

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

Научная статья

УДК 94(560)+94(47)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-14-37

EDN: BVPNNR

**СЕВЕРОКАВКАЗЦЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ДО ЭПОХИ
МУХАДЖИРСТВА: ФОРМЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ
И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ/ЭЛИТИЗАЦИИ****Георгий Витальевич Чочиев**

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН, Владикавказ, Россия, georg-choch@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Аннотация. В статье на материале как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот турецких источников и современной, главным образом зарубежной, историографии рассмотрены пути и каналы раннего (домухаджирского) проникновения этнических северокавказцев в Османскую империю и особенности их интеграции в местное общество. Особое внимание уделено выяснению факторов и механизмов формирования, воспроизводства и функционирования кавказских (черкесских, абхазских, западногрузинских, дагестанских) элитных групп и прослоек рабского и нерабского происхождения и их места в структуре государственной власти и общественной жизни Османской империи в классический и постклассический периоды ее истории. Предпринята попытка оценки характера этнонациональной идентичности представителей данного сообщества, проявлявшего известную устойчивость к ассимиляционным процессам и способность к длительному сохранению некоторых черт своего оригинального культурного профиля. Сделан вывод о несущественности роли стамбульских «черкесских» элит в выработке и осуществлении кавказской политики Порты, равно как и в инициировании массового исхода горцев с Кавказа в Османскую империю в середине XIX в.

Ключевые слова: Османская империя, Кавказ, черкесы, абхазы, рабство, интеграция, элиты.

Для цитирования: Чочиев Г.В. Северокавказцы в Османской империи до эпохи мухаджирства: формы проникновения и особенности интеграции/элитизации // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 14-37. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-14-37. EDN: BVPNNR.

© Чочиев Г.В., 2024

Original article

**NORTH CAUCASIANS IN THE OTTOMAN EMPIRE BEFORE
THE ERA OF MUHAJIRISM: FORMS OF PENETRATION
AND FEATURES OF INTEGRATION/ELITIZATION**

Georgy V. Chochiev

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia, georg-choch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>

Abstract. The article is based on both published and unpublished Turkish sources and modern, mainly foreign, historiography, examines the ways and channels of the early (pre-muhajir) penetration of ethnic North Caucasians into the Ottoman Empire and the features of their integration into local society. Particular attention is paid to elucidating the factors and mechanisms of the formation, reproduction and functioning of the Caucasian (Circassian, Abkhaz, West Georgian, Dagestani) elite groups and strata of slave and non-slave origin and their place in the structure of state power and social life of the Ottoman Empire in the classical and postclassical periods of its history. An attempt was made to examine the nature of this community's ethnonational identity, which demonstrated a certain resistance to assimilation as well as the potential to maintain some aspects of its original cultural profile for an extended period of time. The involvement of Istanbul's "Circassian" elites in developing and implementing the Porte's Caucasian policy, as well as launching the enormous exodus of highlanders from the Caucasus to the Ottoman Empire in the mid-19th century, appears insignificant.

Keywords: Ottoman Empire, Caucasus, Circassians, Abkhazians, slavery, integration, elites.

For citation: Chochiev G.V. North Caucasians in the Ottoman Empire before the era of muhajirism: forms of penetration and features of integration/elitization. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 14-37. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-14-37. EDN: BVPNNR.

© Chochiev G.V., 2024

Возникновение северокавказского рассеяния на османском имперском пространстве имело место главным образом во второй половине XIX и начале XX в. как результат массового вынужденного переселения представителей коренных народов региона на подконтрольную Порте территорию, известного как мухаджирство. Однако задолго до этого и по совершенно иным причинам в османских пределах уже присутствовал численно ограниченный, но глубоко интегрированный в различные, в т.ч. весьма специфические страты местного общества северокавказский этнический элемент. Ниже мы попытаемся на основе турецких и других нарративных и документальных источников и исторической литературы рассмотреть основные пути и формы домухаджирского проникновения жителей Северного и особенно Западного Кавказа в султанские владения, выявить специфику функционирования состоявшихся преимущественно из кавказцев групп османской государственной элиты, прояснить характер этнической идентичности членов данного сообщества и, в заключение, оценить возможную роль этих ранних инфильтраций в иницировании процесса масштабного перемещения населения с Северного Кавказа на Ближний Восток на заключительном этапе Кавказской войны. Названная проблематика в отечественной историографии становилась предметом анализа в трудах Самира Хотко [Хотко 1993; Хотко 2002; Хотко 2017], Анзора Кушхабиева [Кушхабиев 2007], Валерия Сокурова [Сокуров 2017], Асланбека Мирзоева [Мирзоев 2021] и других исследователей. Некоторые ее аспекты, в первую очередь связанные с феноменами османского рабовладения и рабских элит, достаточно обстоятель-

но рассмотрены такими зарубежными авторами, как Метин Кунт [Kunt 1975a], Эхуд Толедано [Toledano 1998], Дроп Зеэви [Ze'evi 1996], Джейн Хэтэуэй [Hathaway 2018] и др. Тем не менее бесспорно, что более глубокая и детальная разработка вопроса способствовала бы лучшему пониманию характера османокавказских исторических взаимосвязей, включая не всегда ясно видимые, но немаловажные гуманитарные нити. В решение данной задачи призвана внести свой скромный вклад и настоящая статья¹.

Не вызывает сомнений, что бóльшая часть выходцев с Северо-Западного Кавказа до середины XIX в. попадала в империю по хорошо известным еще в античные, византийские, халифатские и мамлюкские времена каналам черноморской работоторговли, довольно рано освоенным османцами². Так, протоколами шариатского суда города Бурса подтверждается наличие в этом важном промышленном центре уже в конце XV в. некоторого количества черкесских и других кавказских рабов обоего пола, причем часть невольников использовалась здесь же в шелкоткацком производстве или частных домохозяйствах, а часть перепродавалась в другие области страны и мамлюкский Египет [Sahillioğlu 1979-1980: 90-91, 95-96, 98; Хотко 2017: 212-213]. Согласно же описи имущества умершего в 1557 г. главного белого евнуха султанских покоев Джафер-аги, в его собственности на момент смерти находилось 156 рабов мужского пола, подавляющее большинство из которых являлись уроженцами балканских и венгерских провинций, но 32 происходили с Кавказа, в т.ч. 24 черкеса, 4 абхаза, 2 мегрела и 2 грузина, по роду занятости повара, хлебопеки, сапожники, чесальщики шерсти, цирюльники и т.п. [Kunt 1975b: 31-34] Писавший несколькими десятилетиями позже историк и поэт Гелиболулу Мустафа Али, характеризуя особенности невольников различной этнической принадлежности, отмечал, что черкесы и абхазы легко поддаются обучению, храбры и принадлежат, «как и хорваты», к «хорошей расе (*джинс*)», хотя «порой перечат своим благодетелям (т.е. хозяевам. – Г.Ч.)» [Gelibolulu 1978: 150].

Если первоначально большинство т.н. «белых» рабов в султанских владениях происходило с Балкан, то с середины XVI в., в условиях резкого сокращения возможностей захвата и порабощения людей в этом регионе из-за усилившегося там народного сопротивления при одновременном росте спроса на османском невольничьем рынке, на роль основного источника «живого товара» названного качества выдвинулось Северное и Восточное Причерноморье. По оценке Халиля Иналджика, в 1500-1650 гг. из Польши (включавшей и украин-

¹ За рамками статьи мы оставляем феномен состоявших в значительной мере из кавказцев рабов-воинов и рабов-правителей, известных как мамлюки, т.к. он всецело сформировался на арабском Востоке задолго до возникновения османского государства, а в османскую эпоху провинция Египет, где концентрировались остатки этого сословия, находилась по большей части в номинальном или ограниченном подчинении у Стамбула.

² С османской точки зрения данные поставки являлись совершенно правомерными, поскольку, несмотря на номинальный сюзеренитет Стамбула над Черкесией и соседними с ней областями (с 1474 по 1774 г. опосредованный через Крымское ханство, затем вплоть до 1829 г. прямой на более ограниченной территории), земли, лежавшие вне зон реального имперского контроля – Таманской казы в составе подчиненного Стамбулу Кафинского санджака (вилайета) и турецких крепостей на черноморском побережье, – вполне определенно квалифицировались в официальном османском обиходе как «пространство войны» (*дар уль-харб*), т.е. чуждая и враждебная в религиозно-культурном отношении страна, населенная дозволенными к обращению в рабство путем купли либо пленения неверными кяфирами [İnci 2019: 8-10; Чочиев 2023а: 6-7].

ские земли), Московского государства и Черкесии ежегодно в империю ввозилось, преимущественно через Крым¹, в общей сложности не менее 10 тыс. рабов [Economic... 1997: 284-285]. При этом, хотя на первых порах доля северокавказцев в этой массе была сравнительно невелика, с течением времени она неуклонно возрастала. После же неудачной для Порты войны со Священной лигой 1683-1699 гг. и заключения Карловицкого (1699) и Константинопольского (1700) договоров² османцы, столкнувшись с серьезным падением притока славянских невольников, вынуждены были перейти в союзе с крымцами к «гиперэксплуатации» (по определению Наталии Круликовской-Едлиньской) Черкесии и соседних кавказских территорий как наиболее доступного поля добычи данного товара на севере [Królikowska-Jedlińska 2020: 356-357, 366] (параллельно никогда не прекращавшемуся ввозу «черных» рабов из Африки). По отношению к первой половине XIX в. расчетам Толедано, совокупный османский импорт невольников достигал 16-18 тыс. чел. в год, среди которых значительно преобладали африканцы, однако не менее 1-2 тыс. составляли северокавказцы [Toledano 1998: 8]. Последние после ликвидации Крымского ханства поставлялись в страну в основном непосредственно с кавказского побережья турецкими, черкесскими, абхазскими и прочими торговцами, скупавшими их у законных (по местным обычно-правовым нормам) владельцев, разного рода иноплеменных и соплеменных похитителей и нередко собственных родственников [Bilge 2012: 415-417; Дзидзария 2006: 155-157; Лапинский 1995: 106]³.

Весьма важным в данной связи является то обстоятельство, что на довольно ранней стадии началось вхождение части кавказских невольников в категорию элитных государевых рабов – *капыкулу* (букв. «раб врат, т.е. Порты»), – составлявшую становой хребет классической османской административной системы. Если в первые столетия османской истории этот класс военных и гражданских управленцев формировался главным образом из принудительно **набранных** в христианских селах Балкан и Западной Анатолии и прошедших соответствующую подготовку в дворцовых школах мальчиков и юношей (известных, как и сам данный порядок, под названием *девширме* «рекрутирование; рекрут»), то с рубежа XVI-XVII вв. и особенно с 1620-х гг. султанская власть, столкнувшись с критическими угрозами собственной стабильности со стороны превратившейся в своего рода «касту для себя» корпорации высших чиновников и офицеров указанного происхождения, стала все больше полагаться в качестве альтернативного кадрового ресурса на столь же юных **купленных** рабов

¹ Стремясь к восполнению дефицита рабов в государстве, Порта прямо или косвенно поощряла крымских ханов к совершению набегов в расположенные к юго-востоку от Тамани «кяфирские» черкесские земли. Только во второй четверти XVI в. татарами было предпринято три крупных невольничьих похода – в 1539, 1542 и 1544 гг., – в ходе второго из которых было угнано, если верить крымскому придворному хронисту Реммаль-ходже, 50 тыс. пленников из жанеевского племени [Ostapchuk 2012: 153-156]. Значительное число невольников попадало к крымцам также в качестве выплачиваемой им некоторыми черкесскими князьями дани, в результате купли-продажи и др.

² Упомянутые договоры впервые установили постоянную границу между Османской империей, с одной стороны, и Речью Посполитой и Московским царством, с другой, что резко ограничило возможности военно-набеговой активности османцев и татар в этих направлениях.

³ Об обусловленности бытовавшей среди народов Восточного и Северного Причерноморья по крайней мере с XIII-XIV вв. практики продажи в рабство несовершеннолетних детей и родственников прежде всего материальной нуждой см. Balard 2022: 25. Ср. также прим. 1 на с. 29.

(обозначаемых терминами *гулям*, *мемлюк*, реже *кёле*) из неисламских, по крайней мере формально, областей Кавказа [Ze'evi 1996: 180-186]. Следующее столетие было отмечено достаточно острым, хотя и, как правило, скрытым, соперничеством между двумя этнорегиональными фракциями – «западной» (албано-сербо-греческой) и «восточной» (черкесо-абхазо-грузинской) – за влияние при столичном дворе и в провинциальных администрациях¹, завершившимся в начале XVIII в., на фоне прогрессирующего упадка системы девширме, безоговорочным признанием кавказских капыкулу как органичного компонента османского военно-бюрократического истеблишмента [Kunt 1975a: 237-239; Hathaway 2018: 23, 30-31, 39].

Судя по многочисленным свидетельствам, в дальнейшем позиции кавказцев в высших эшелонах власти неуклонно укреплялись, даже несмотря на постепенное расширение доступа туда для подданных-мусульман (а позднее и не только их) нерабского статуса с самым различным этническим, социальным и образовательным бэкграундом. Согласно основанным на анализе османской просопографической литературы подсчетам, со второй половины XVI до последней четверти XIX в. титула паши были удостоены примерно 250 черкесов и абхазов, из которых 11 занимали (некоторые неоднократно) пост великого везира, 1 – *шейх-уль-ислама* (главного муфтия), 10-15 – второго везира, командующего флотом или члена *дивана* (государственного совета) и около сотни назначались на иные высокие военные, административные и дипломатические должности [Şoenu 1993: 37; Süreyya 1996: I-VI, passim; Danişmend 1972: V, 106-107, 168, 236]². По всей видимости, в конце XVIII в. концентрация в имперской элите купленных кавказских рабов достигла наивысшего уровня. Из них происходили 5 из 12 великих везиров периода 1785-1808 гг. [Yapp 2013: 3; Süreyya 1996: II, 636, 638-639, III, 1560, V, 1698, 1701-1702], а также, по утверждению (возможно, несколько преувеличенному) долго служившего в османском флоте британского офицера Адольфуса Слейда, до 4/5 всех министров Махмуда II (1808-1839) [Slade 1833: 231].

Представители этой прослойки привилегированных рабов, характеризуемой другим хорошо знакомым со стамбульскими реалиями британским офицером и писателем Чарльзом Уайтом как «единственная аристократия» империи [White 1845: 307]³, нередко демонстрировали стремление и способность к самовоспроизводству за счет не только и не столько собственных отпрысков, «технически» не подходивших – как мусульмане и османцы по рождению – для по-

¹ Проявления этого внутриэлитного «восточно-западного» антагонизма можно усмотреть в событиях, связанных с двумя крупными мятежами – во главе с губернатором Эрзурумского эялета Абазой Мехмед-пашой и губернатором Халебского эялета Абазой Хасан-пашой, – сотрясшими Анатолию, соответственно, в 1623 и 1658-1659 гг. Оба выступления были направлены, по существу, против балканских девширме в высшем стамбульском руководстве (в первом случае также и в янычарском корпусе) и поддержаны видными провинциальными функционерами, происходившими, как и лидеры мятежников, из кавказских гулямов [Hathaway 2018: 30-31].

² Имена и должности некоторых представителей этой элитной этносоциальной группы см. в Мирзоев 2021: 49-50 и Сокуров 2017: 171.

³ По словам этого же автора, рабы «считают себя выше [свободных служащих] в придворной иерархии и являются постоянными объектами зависти» [White 1845: 309].

вторения карьерного пути своих отцов¹, сколько приобретаемых и фактически приравняваемых к членам семьи новых невольников-кавказцев, что привело к появлению феномена больших «рабских домохозяйств». Ярким примером создателя и главы такого обширного «семейства» может служить абхаз Коджа Мехмед Хюсрев-паша (1756?-1855), который ребенком, будучи гулямом командира султанских арбалетчиков, был зачислен во дворцовую школу (*Мектеб-и эндерун*) и впоследствии стал одним из влиятельнейших государственных и военных деятелей страны. На протяжении своей долгой жизни он покупал, обучал под руководством лучших учителей в своем поместье и продвигал на государственную службу выходцев с Кавказа, умело укрепляя с помощью этой созданной им сети сторонников свои политические позиции. Всего Мехмедом Хюсревом было воспитано таким образом не менее 50 «слуг Порты», из которых около 30 стали пашами, включая 2 великих везиров, 1 *сераскера* (военного министра), 4 министров, 1 *мюшира* (маршала) и целый ряд генералов и придворных сановников [Süreyya 1996: II, 682-683; Toledano 1998: 26]. При этом несколько из них были женаты на монарших дочерях, что никогда не рассматривалось как мезальянс в османской династии².

Несмотря на деградацию османского военно-административного рабства под воздействием вестернизаторских реформ конца XVIII – XIX в., купленные кавказские рабы и квазирабы сохраняли контроль над многими важными позициями в структуре государственной власти вплоть до начала XX в.

Некоторые высокопоставленные военачальники и администраторы кавказского происхождения практиковали набор своего рода личных гвардий из соотечественников невольничьего статуса. Так, по свидетельству Эвлии Челеби, принадлежавший к абхазским (садзским) капыкулу Мелек Ахмед-паша (1588?-1662) на начальном этапе своей карьеры владел отрядом из «семисот купленных рабов-мемлюков, которые были сплошь черкесские, абхазские и грузинские гулямы» [Evlîyâ 1998-2007: VI, 83]³. Этот или аналогичный контингент преданных своему патрону телохранителей и воинов состоял при паше на протяжении всей его последующей службы, включавшей в себя губернаторство в ряде провинций и великий везират [Evlîyâ 1998-2007: III, 159, 292, 295, V, 250]. Составленную из земляков-рабов охрану имел в своем распоряжении, видимо,

¹ Данное формальное препятствие во многих случаях успешно обходилось посредством симулирования акта порабощения, например, под видом следования архаическому кавказскому обычаю атальчества. По сообщению Эвлии Челеби, среди высокопоставленных абхазских капыкулу в Стамбуле была распространена «странная» традиция отправлять своих новорожденных детей, «не успевших выпить и капли молока своих матерей» (в другом месте – достигших возраста 1-2 и даже 3 лет), вместе с нанятыми кормилицами в Абхазию, «страну неверных», где они в течение 10-15 лет жили в приемных семьях, а по возвращении могли быть – как вновь добытые вне исламского мира невольники – преподнесены, в т.ч. своими же родителями, в «дар» султану или его сановникам с расчетом на облегченное вхождение ребенка в систему придворного образования и государственной службы [Evlîyâ 1998-2007: I, 457; Intimate... 1991: 49, 272-273].

² Только в XVII в. султанскими зятями были по меньшей мере 7 пашей черкесского и абхазского рабского происхождения: Мелек Ахмед-паша, Мирахур Ахмед-паша, Ибшир Мустафа-паша, Тырнакчи Ибрахим-паша, Кючук Осман-паша, Сиявуш-паша, Сиявушоглу Хюсейин-паша [Süreyya 1996: I, 216, III, 714, 779-780, 790-791, IV, 1081, 1307, V, 1517-1518].

³ При этом Мелек Ахмед избегал военных рабов иного происхождения, в частности «руссов» (т.е. выходцев из славянских земель Северного Причерноморья), считая их «безродными и невоспитанными», и в случае получения в дар гуляма-некавказца уступал его кому-либо из своих подчиненных [Evlîyâ 1998-2007: VI, 83].

и родственник Мелека Ахмеда – Ибшир Мустафа-паша [Evlüyâ 1998-2007: III, 286-287]. При этом Порты в данный период явно попустительствовала созданию таких формирований, поскольку они обычно с готовностью и небезуспешно использовались их хозяевами (как и наемные воинские кадры того же этнорегионального происхождения, о чем ниже) для усиления хронически недоукомплектованных провинциальных гарнизонов [Intimate... 1991: 33].

Женской параллелью института капыкулу выступало гаремное невольничество, составлявшее главный оплот частной жизни членов царствующего дома и иных сановных особ. Девочки и девушки рабского статуса (*джарие*) доставлялись в Стамбул и другие крупные османские города и готовились через специальную систему воспитания и обучения к ролям – в зависимости от их внешности и способностей – либо жен и фавориток представителей имперской элиты, либо хозяйственных работниц и служанок различной квалификации. Предположительно с конца XVI в. в этом ввозном потоке стала стремительно увеличиваться доля черкешенок, абхазок и грузинок, а не позднее рубежа XVII-XVIII вв. женщины этих национальностей уже составляли большинство обитательниц султанского и ориентированных на него в своих вкусах и предпочтениях других крупнейших гаремов [Kunt 1975a: 238; Uluçay 1992: 11-13]. Достоверно известно, в частности, что из западнокавказских джарие происходили матери всех султанов, начиная с Селима III (1789-1807)¹, и почти все их жены и фаворитки [Açba 2007: passim; Açba 2010: 89]. Разумеется, дворцовые воспитанницы являлись естественными брачными партнершами и для своих высокопоставленных соотечественников рабского и нерабского звания. В этой связи уместно заметить, что гендерное соотношение в среде османских невольников, в котором до XVIII в. наблюдался перевес мужчин², с течением времени все больше смещалось в пользу женщин, доля которых к XIX в. стала преобладающей [Kanbolat, Taymaz 1990: 39; Toledano 1998: 6-7, 13].

При этом не позднее 1830-х гг. (а, скорее всего, гораздо раньше) в элитные гаремы, прежде всего монарший, стали приниматься, наряду с купленными рабынями, и девушки из аристократических кавказских родов³, направлявшиеся туда собственными семьями по политическим и экономическим расчетам, но обычно с симулированием акта дарения/порабощения⁴. В случае перехода впо-

¹ Мать Селима III была грузинкой. Относительно матерей его преемников Мустафы IV (1807-1808), Махмуда II и Абдулмеджида I (1839-1861) предполагается грузинское или черкесское происхождение. Матери всех последующих султанов – Абдулазиза (1861-1876), Мурада V (1876), Абдулхамида II (1876-1909), Мехмеда V (1909-1918), Мехмеда VI (1918-1922) и халифа Абдулмеджида II (1922-1924) были черкешенками [Sakaoglu 2015: passim].

² Исследования протоколов шариатских судов нескольких азиатских провинций и городов XVII-XVIII вв. демонстрируют почти двукратное превосходство упомянутых в них мужчин-невольников над женщинами-невольницами [Sak 1994: 388; Vilgenoglu 2021: 3150]. Несомненно, однако, что в Стамбуле и других крупных городах доля женщин была несколько выше.

³ В 1837 г. дочь адыгского князя Мансура Темруко и грузинской (сванской) княжны Дадешкелиани была по инициативе жены Махмуда II грузинки Безмиалем-кадынэфенди привезена в Стамбул и выдана замуж за ее сына – наследного принца Абдулмеджида, получив во дворце имя Серветсеца [Açba 2007: 22; Sakaoglu 2015: 574].

⁴ Ранее иммигрировавший в Османскую империю и проживавший в Батуме абхазский князь Махмуд Дзиапшипа предположительно в начале 1840-х гг. отдал двух (по другим данным, трех) своих малолетних дочерей в услужение и на воспитание главной жене Абдулмеджида I Серветсеца-кадынэфенди. Когда же в 1856 г. наследный принц Абдулазиз изъявил желание взять в жены одну из сестер – Дюрринева, Серветсеца

следствии такой девушки в разряд султанских супругов (*кадынэфенди* или *ик-баль*) перед ее родственниками, как правило, открывалась возможность переселения на османскую территорию, получения от государства земли, устройства на придворную, военную или административную службу, учебу и т.д.¹ Ко второй половине XIX в. женщины знатного происхождения составляли, похоже, уже большинство в османском гареме [Аçба 2010: 89].

Важно также подчеркнуть, что, несмотря на высокую степень представленности, а порой и доминирование в высших бюрократических структурах и придворном окружении имевших, во всяком случае формально, рабские корни кавказцев обоего пола, неотъемлемой чертой их групповой идентичности выступала безусловная лояльность не просто государству-империи, но личности султана-халифа как их верховного, а нередко и непосредственного господина, что, как справедливо отмечено Хотко, положительно повлияло на стабильность власти и внутрдинастический мир в заключительное столетие правления дома Османов [Хотко 1993: 74].

Высокое фактическое положение многих представителей военно-управленческих и гаремных элит рабского статуса и отсутствие, по крайней мере в XIX в., явных примеров их связанной с данным статусом правовой дискриминации или подверженности произвольному обращению (насилию, контролю личной жизни, купле-продаже и т.п.) со стороны официальных владельцев, включая верховного суверена, позволяют говорить не о реальном, а скорее некоем символическом, условно-стилизованном квазиневольничестве².

Вместе с тем несомненно, что для вступления доставленного с Кавказа юного раба или рабыни на путь, ведущий в перспективе в ограниченный круг избранных османских вельмож и придворных фавориток, и его успешного прохождения зачастую требовались не только соответствующие природные данные и таланты, но и определенное сочетание благоприятных обстоятельств и банальное везение. Совершенно очевидно, что этот путь успешно преодолевали лишь меньшая часть объектов работоргового промысла. Большинство же было вынуждено мириться с уделом занятой далеко не всегда легким трудом прислуги или, если речь шла о женщинах, наложниц в крупных, средних, а порой и мелких домохозяйствах в столице и провинциях в ожидании возможного получения вольной или официального замужества³. Судя по сохранившимся документальным свидетельствам, лица этой категории в силу преимущественно скрытого от посторонних глаз образа их содержания были особо уязвимы для жестокости и

предоставила своей фрейлине вольную, чтобы та вступила в брак в свободном статусе, а не как джарие [Аçба 2010: 22-23; Аçба 2007: 84]. Это заставляет предполагать формальное обращение девочки в невольницу при ее вхождении во дворец.

¹ Ставшая в 1840 г. третьей женой Абдулмеджида I Вердидженан-кадынэфенди из абхазского княжеского рода Ачба добилась взятия на воспитание во дворец двух своих племянников, одного из которых сделала адъютантом принца Абдулазиза. Четвертая жена (с 1856 г.) Абдулмеджида I Пересту-кадынэфенди из убыхского рода Гоген обеспечила пожалование своим прибывшим с Кавказа братьям земель в районе Гёнена [Аçба 2007: 35, 43, 46, 56; Аçба 2010: 22-23].

² О проблеме истинности-мнимости рабского статуса позднеосманских капыкулу см. Ze'evi 1996: 187-189 и Toledano 1998: 21-24.

³ По относящимся к первой половине 1840-х гг. наблюдениям Уайта, не более 25-30% попадавших в Стамбул кавказских джарие могли в перспективе рассчитывать на замужество [White 1845: 312, 321].

агрессии¹, хотя в целом функционировавшее на основе установлений шариата османское домашнее рабство было заметно мягче аналогичных институтов в других современных обществах, а «белые» невольники в стране находились в гораздо более выгодном положении по сравнению с африканскими².

Несмотря на то, что начиная с 1830-х гг. Порты отчасти в силу внутренних причин, отчасти под европейским, прежде всего британским, давлением предпринимала шаги, направленные на постепенное ограничение работорговли и наделение людей невольничьего статуса некоторыми правами и обязанностями свободных подданных, к началу второй половины XIX в. приток в страну «живого товара» с Северо-Западного Кавказа продолжался в прежнем объеме³, а рабство – и низовое, и элитное – оставалось неотъемлемым атрибутом османской общественной жизни и повседневной культуры.

Работорговля, как отмечено выше, была главным, но не единственным каналом раннего проникновения северокавказцев в османские земли.

На протяжении столетий одним из факторов привлечения представителей мужского населения Кавказа, особенно Западного, на Ближний Восток выступало военное отходничество/наемничество, имевшее глубокие внутрикавказские социокультурные корни [Хотко 2002: 390]. Османы в отличие от предшествующих мусульманских и византийских правителей, как правило, не испытывали потребности в привлечении значительных воинских контингентов из-за пределов государства. Тем не менее в XVII-XVIII вв. растущая неэффективность составленных в основном из рекрутов-девширме регулярных войск (прежде всего янычар) временами вынуждала провинциальные, а иногда и центральные власти прибегать к найму среди народов Балкан и Анатолии более или менее постоянных отрядов профессиональных солдат-иррегуляров (*левендов* и их разновидностей – *секбанов*, *сарыджей* и др.), использовавшихся в качестве вспомогательных и охранных сил внутри и вне страны [Uyar, Erickson 2009: 91-94]. Более того, как уже было указано, Порты в этот период по существу поощряла создание высокопоставленными военачальниками и сановниками собственных гвардий из кавказских купленных рабов-гулямов как локальной альтернативы девширме. Можно, однако, предположить, что одновременно в империи в заметном количестве стали появляться абхазские, черкесские и грузинские воины не только раб-

¹ В качестве примера можно указать на историю черкесской девушки Шемсигюль, которая, будучи в 1852 г. продана, вероятно своими родными, работорговцу в Стамбуле, в следующие два года вместо предполагаемой безбедной жизни во дворце губернатора Египта прошла через череду тяжелых испытаний, включавшую в себя сексуальное, физическое и моральное насилие, отъем ребенка и др., хотя в конечном счете получила благодаря удачному стечению обстоятельств шанс на защиту своих прав в суде [Toledano 1993].

² В контексте сказанного уместно упомянуть о получившей в позднеосманский период широкое распространение, особенно в элитных и близких к ним кругах Стамбула и других крупных городов Балкан и Западной Анатолии, практике добровольного освобождения хозяевами своих рабов-мусульман по прошествии 7-10 лет их службы в порядке одобряемого Кораном богоугодного деяния [Erdem 1996: 154-160]. Вместе с тем вопрос о степени укорененности этой традиции в социально и географически удаленных от названной среды сегментах османского общества, а также о масштабах ее бытования в более раннюю эпоху является не вполне проясненным ввиду недостаточности документальных свидетельств.

³ Более того, в заключительный период Крымской войны отмечался явный всплеск ввоза в страну черкесских рабов и в особенности рабынь, объясняемый наблюдателями стремлением работорговцев успеть вывезти возможно большее количество этого «товара» с северокавказского побережья до его повторного занятия русскими войсками [Traffic... 1856: 702]. На рост этого импорта, несомненно, повлиял и запрет Портой под нажимом англичан оборота грузинских невольников в 1854 г.

ского, но и свободного статуса, чему также во многом способствовали влиятельные паши-кавказцы. К примеру, Эвлия сообщает о 10 тыс. «храбрецов» этих народов, участвовавших в 1640 г. под командованием Мелека Ахмед-паши (на тот момент губернатора Диярбекирского эялета) в подавлении мятежа курдов-езидов в Синджарских горах, причем данный контингент описан словом *agavat* (араб. множ. чис. от тур. *aga* «господин, хозяин, начальник и т.п.») [Evlîyâ 1998-2007: IV, 49], употребление которого применительно к невольникам представляется едва ли возможным. Тот же факт, что остальная часть войска Мелека Ахмеда (70 *байраков*, т.е. подразделений числом в 60-100 чел. каждое) была набрана из наемников – азиатских секбанов и сарыджей, – с высокой долей вероятности указывает на аналогичный, т.е. наемный характер привлечения к экспедиции и кавказцев. Примечательно, что личный конвой названного паши-капыкулу пополнялся и членами аристократических садзских родов, что подтверждают фамильные имена некоторых его телохранителей – Маршан, Аред(ба) и др. [Evlîyâ 1998-2007: III, 295, V, 250]

В данном контексте заслуживает внимания также свидетельство Кятиба Челеби об участии в осаде османцами в 1605 г. венгерской крепости Уйвар¹ «бея Тырхалы² черкеса Чиль-Агач-бея с отрядом из татар и черкесов» [Kâtîb 2016: 343] – явно вольнонаемных конников, поскольку татары как мусульмане не подлежали продаже в рабство.

Очевидно, впрочем, что присутствие северокавказских наемников на османской почве в целом не было существенно, а к началу XIX в. подобные иррегулярные формирования стали еще менее востребованы ввиду начатых Портой мер по модернизации армии.

Какое-то количество молодых людей с Западного Кавказа перебиралось в империю самостоятельно с карьерными и образовательными целями, зачастую полагаясь, похоже, на удачу. Так, Коджа Дилявер-паша покинул Черкесию в конце XVI или начале XVII в., по его собственным словам, «лишь с кнутом и оседланной лошастью», однако благодаря проявленным способностям смог на новой родине стать сперва *сипахи* (феодалным ополченцем), а затем подняться до *везира* (трехбунчужного паши) и *вали* (губернатора) [Naîmâ 1968: 1111; Süreyya 1996: II, 421]. Явно по своей инициативе иммигрировал и упоминаемый в сочинении Эвлии Челеби Кетагач-паша, предположительно из адыгского княжеского рода Болотоко [Хотко 2002: 391], снискавший воинскую славу во многих походах и дослужившийся до чина *мирливы* (бригадного генерала), но так и не овладевший турецким языком [Evlîyâ 1998-2007: II, 188]³. В более поздний период такие перемещения нередко облегчались наличием на османской территории уже успевших интегрироваться в местную элитную среду род-

¹ Уйвар – ныне город Нове-Замки в Словакии.

² Тырхала (совр. Трикала) – город, административный центр одноименного санджака в османской Фессалии.

³ В русскоязычном издании путеописания Эвлии Челеби представлено иное прочтение имени этого воина – Кутфадж-паша [Эвлия 1983]. Небезынтересно также, что в другом томе своего труда Эвлия утверждает, что данное имя (скорее прозвище) «означает “меч” (*кылыч*)» [Evlîyâ 1998-2007: III, 36]. Мы, однако, затрудняемся соотнести и первый, и второй вариант с каким-либо семантически близким словом или термином в языках Ближнего Востока и Кавказа. Добавим, что этот же автор упоминает еще одно прозвище рассматриваемого персонажа – Чаркаджи (Чаркаджи Кетагач-паша), т.е. «всадник передового охранения».

ственников. Например, маршал Инджиркёйлю Хасан Рефет-паша из убухского рода Туга (Тхуго), родившийся в 1793 г. на Кавказе, подростком был отправлен семьей в Стамбул под опеку своей тетки – жены одного из преподавателей школы Эндерун, учеба в которой и положила начало будущей блестящей карьере переселенца [Berzeg 1998: 90-91]. Из материалов устной истории и мемуарных свидетельств известно также, что отдельные аристократические семейства Убухии, в особенности Берзеки, за десятилетия до мухаджирства начали поддерживать взаимоотношения, первоначально в основном по гаремной линии, со стамбульскими дворцовыми кругами, что позволило нескольким представителям этого рода получить качественное военное образование и к середине XIX в. войти в ряды авторитетных лиц государственного истеблишмента [Çelik, Köseoğlu 2011: 7; Berzeg 1990: 29]¹.

Безусловно, в султанских владениях, главным образом в столице, а также в Трабзоне и других черноморских портовых городах, во все эпохи постоянно либо подолгу проживало и определенное число торговцев с Северного Кавказа, в своем подавляющем большинстве специализировавшихся на поставках на османский рынок «белых» рабов со своей родины [Wagner 1852: 156], что традиционно считалось в османском обществе вполне уважаемым занятием (в отличие от презираемой торговли «черными» невольниками) [Toledano 1998: 68]. Можно предположить, что по крайней мере часть представителей данной коммерческой прослойки была ориентирована на полную интеграцию в местный социум, в т.ч. в его элитные слои, на что указывает, к примеру, прошение в правительство некоего Мустафа-аги «из черкесских торговцев» от 1855 г. о приеме его сына в Императорское военное училище или иное подобное заведение [ВОА: А.МКТ.DV 87/24].

Параллельно с притоком западнокавказцев происходила инфильтрация в османские пределы и представителей народов Северо-Восточного Кавказа, прежде всего Дагестана, хотя и в значительно меньших масштабах и по различным причинам и мотивам. Несомненность для Порты принадлежности этого региона к «пространству ислама» (*дар уль-ислам*) в сочетании с его удаленностью от маршрутов черноморской работоторговли исключала его из числа потенциальных источников «живого товара» для османского рынка, делая возможной лишь добровольную иммиграцию. В источниках XVI-XVIII вв. наиболее заметное отражение получило присутствие в стране дагестанских *алимов* (ученых-богословов), которых к переселению во владения султана-халифа побуждало главным образом стремление к повышению своего образовательно-профессионального уровня и социального статуса. Лица этой категории, как правило, довольно легко интегрировались в местную духовную и интеллектуальную среду. Ряд из них получил признание в качестве имамов крупных мечетей и преподавателей ведущих медресе в таких мусульманских центрах, как Медина, Мекка, Стамбул, Дамаск, Халеб и др. [Süreyya 1996: III, 756-757, 801; Магомеддаев 2001: 59-61; ВОА: А.МКТ.МНМ 18/82, С.МФ 129/6450], неко-

¹ Генерал Муса Кундухов в своих мемуарах упоминает о контактах летом 1864 г. в Стамбуле с тремя представителями этого рода – Хюсейин-пашой, Али-пашой и Хафыз-пашой, не уточняя, правда, занимаемых ими должностей [Кундухов 2013: 47].

торые же оставили след в виде оригинальных сочинений религиозного и литературного характера [Магомеддаев 2001: 59-60]. Кроме того, известны дагестанцы – шейхи суфийских орденов, в частности накшбандии, посвятившие себя распространению этого учения в османском обществе [Süreyya 1996: II, 578, III, 973-974; BOA: C.EV 4/151, 615/31011]. В составе имперской военно-управленческой элиты, среди военачальников, губернаторов, руководителей хозяйственных служб и т.д., также обнаруживаются, особенно в XVIII и первой половине XIX столетия, сравнительно немногочисленные лица, идентифицируемые как выходцы из Дагестана¹ и – в единственном установленном случае – Чечни². Весьма вероятно и наличие некоторой «трудовой» миграции дагестанцев из числа представителей ремесленно-мастерского сословия – оружейников, кузнецов, ювелиров и т.д. [Магомедханов 1997: 30]

Наконец, следует отметить, что с началом Кавказской войны османское государство приобрело определенную притягательность в качестве места политической эмиграции и/или убежища для лидеров противостоящих российской экспансии горских обществ и политий. Самым известным переселенцем такого рода являлся, безусловно, князь Сефер-бей Заноко, который прибыл в империю в 1831 г. как посланник стоявшей во главе черкесского сопротивления аристократической партии, но вследствие сложной специфики российско-османских отношений данного периода оказался вынужден провести на чужбине более 20 следующих лет [Khoon 2015: 86-96]. Иммиграция же в 1827 г. наследников ранее низложенного русскими владетеля Казикумуха Сурхай-хана II (1789-1820) может служить примером «поиска укрытия» (*ильтиджа*) после военно-политического поражения на родине [Чочиев 2023b: 58]. Известен также по крайней мере один случай побега кавказцев из русского плена в османские пределы. В 1823 г. некто Ибрахим-бей, «сын Джаферхана из чеченских ханов», бежавший вместе с несколькими соплеменниками из сибирской ссылки, добрался через Бухару и Персию до Трабзона, а спустя год, по совершении хаджа, обратился к Порте с прошением о выдаче ему средств для возвращения на родину и султанского фирмана с призывом к жителям Чечни и Дагестана о «служении Высокому Государству» [BOA: NAT 781/36559]³.

Очевидно, что бóльшая часть прибывавших на протяжении веков в Османскую империю по описанным выше (равно как, вероятно, и некоторым другим) каналам, но не сумевших переступить порог «элитности» северокавказцев, в

¹ Например, Дагыстанлы Али-паша с 1768 по 1780 г. прошел успешный карьерный путь от уполномоченного по вербовке новобранцев и поставкам зерна для армии до губернатора в ранге везира в целом ряде балканских и анатолийских провинций, пока не был казнен за служебные злоупотребления [Süreyya 1996: I, 275-276; BOA: C.AS 191/8253, 762/32148, C.BH 230/10674, C.DH 243/12139, 290/14470, 335/16711, 335/16728]. По некоторым данным, его братом являлся *дей* (наместник) Алжира в 1792-1798 гг. Хасан-паша (Баба-Хасан III) [Süreyya 1996: II, 633].

² Известен, в частности, Чечензаде Хаджи Хасан-паша, происходивший из поселившейся в конце XVIII в. в городе Карахисаришарки (ныне Шебинкарахисар провинции Гиресун) чеченской семьи. Получил образование в Эндеруне. В 1820-х гг. занимал ответственные военно-административные должности в приграничных с Россией провинциях Анатолии и Кавказа, в т.ч. пост коменданта крепости Анапа в 1825-1828 гг. (по совместительству с губернаторством Трабзонского вилайета) [Tosun 2014: 3, 11-28; Süreyya 1996: II, 636-637; BOA: NAT 520/25453, 1044/43175].

³ Во время пребывания на османской территории беглецы пользовались покровительством упомянутого Чечензаде Хаджи Хасан-паши.

т.ч. вольноотпущенных рабов и рабынь, в короткой или относительно отдаленной перспективе растворялась в местной среде, вливаясь в те или иные ее этносоциальные сегменты. На это указывают, например, встречающиеся изредка в османских налоговых и земельных реестрах и иных документах упоминания о лицах с прозвищами (*лякабами*) Черкесоглу, Черкесзаде, бин-Черкес («сын черкеса»), Абазаоглу («сын абхаза») и т.п., проживающих в самых разных районах Анатолии и принадлежащих к аграрному, ремесленному или торговому слоям коренного мусульманского населения¹. Примечателен также факт существования среди племенной аристократии анатолийских туркмен-афшаров клана Черкесогуллары («Черкесовичи») и личных имен Черкес и Абаза, свидетельствуемых с XVI по середину XIX в. [Akin 2022: 12, 70; Altınay 1930: 77, 82, 107]², что может объясняться и высоким престижным потенциалом подобных антропонимов на Ближнем Востоке начиная с позднего средневековья.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что немалая часть выдвинувшихся в верхние страты османского имперского социума кавказцев – вышедших из невольников и самостоятельных переселенцев гражданских, военных и придворных служащих, поднявшихся на высокие ступени в гаремной иерархии женщин, обосновавшихся в крупных городах успешных торговцев «белыми» рабами и рабынями и т.п., зачастую тесно связанных между собой должностными, корпоративными, земляческими, родственными, коммерческими и прочими узами, – проявляла известную устойчивость к ассимиляционным процессам и способность к удержанию некоей степени своей оригинальной культурной идентичности. Это преимущественно западнокавказское по происхождению элитарное сообщество, начавшее складываться, как было отмечено, еще на рубеже XVI-XVII вв. и в середине XIX в. насчитывавшее, по некоторым оценкам, до 50 тыс. чел. [Липинский 1995: 107-108], изначально демонстрировало признаки наделенности определенным этническим самосознанием, что выражалось, например, в приватном использовании родных языков [Kunt 1975a: 235]³, эпизодическом ношении кавказского костюма⁴, поддержании контактов с местностью и семьей/общиной рождения⁵, помощи и покровительстве друг другу¹ и

¹ Из упоминаемых в источниках первой половины XIX в. невысокостатусных лиц с такими лякабами могут быть названы, к примеру, 3 главы крестьянских домохозяйств в казе Хыснымансур (ныне Адьяман) в 1835 г. [Торрак 2018: 194, 269], 2 сельских старосты в санджаке Самсун в 1837 г. [Erler 2009: 183, 190], 4 члена переводимых на оседлость кочевых общин в санджаке Чорум в 1830-1844 гг. [Şahin 2013: 68, 304, 449, 582], 2 главы домохозяйств без определенных занятий в городке Чорум в 1844 г. [Şahin 2012: 229, 299], «землепашец», «торговец» и «мясник» в казе Бесни в 1846 г. [Торрак 2015: 114-115, 247], «эфенди» в городке Токат в 1850 г. [ВОА: А.МКТ.УМ 15/65], императорский лодочник в Стамбуле в 1854 г. [ВОА: А.МКТ.NZD 127/26] и т.д.

² Черкес-бей из рода Черкесогуллары, стоявший в 1850-х гг. во главе племени афшаров, был, вероятно, последним в их среде носителем этого имени.

³ Родными языками своих кавказских матерей могли в какой-то степени владеть и отдельные члены царствующего дома. Сведения данного рода имеются, например, относительно Абдулхамиды II (род. 1842) [Karal 2007: VIII, 249].

⁴ Вышеупомянутый мятежник Абаза Мехмед-паша был известен манерой одеваться с использованием элементов «кавказского стиля», которые в период его непродолжительного нахождения в милости у Мурада IV (1623-1640) в первой половине 1630-х гг. даже были переняты последним и вошли в моду при султанском дворе [Tan 2017: 66, 79; İnalçık 2009: 220]. Племянник же Мехмед-паши Ибшир Мустафа-паша, согласно османской хроникальной традиции, «...был настолько привязан к своему абхазству, что носил черкесский костюм на посту великого везира» [Danişmend 1972: III, 420], который занимал в 1654-1655 гг.

⁵ По утверждению Эвлии Челеби, ежегодно от 100 до 200 малолетних детей обоего пола отправлялось их родителями – стамбульскими абхазами – на этническую родину для воспитания в семьях аталыков [Evlîyâ 1998-

проживающим на Кавказе соплеменникам² и др. [Kunt 1975a: 235-236] Скорее всего, с этого же времени некоторые представители этой группы стали обнаруживать стремление к относительно компактному поселению, облюбовав, например, стамбульский квартал Топхане на европейском берегу Босфора³, где уже к середине XVII в. фиксировалось «множество грузин и абхазов» [Evlüyâ 1998-2007: I, 457]. В следующие столетия данный квартал продолжал пользоваться заметной популярностью среди кавказцев, правда, в основном занятых работорговым промыслом [White 1845: 284, 287, 321; MacFarlane 1850: 416].

Следует также указать, что первоначальная этническая идентичность или, во всяком случае, память о принадлежности к определенному племени и роду далеко не обязательно исчезала со смертью непосредственных выходцев с Кавказа, но сохранялась у их родившихся и выросших на османской территории потомков в одном или большем числе поколений. Так, известно, что занимавший в начале 1878 г. пост великого везира Ахмед Хамди-паша вел свое происхождение от государственного деятеля середины XVII в. абхаза Мелека Ахмед-паши, и, хотя о самоидентификации Ахмеда Хамди никаких сведений не имеется, его отец, по-видимому, все еще воспринимался как соотечественник такой знаковой фигурой кавказской военно-административной элиты своего времени, как Коджа Мехмед Хюсрев-паша, в «невольничьем имении» которого тот долгие годы служил управляющим [İnal 1982: 636]. Показателен и пример сына прибывшего в империю ребенком в начале XIX в. убыха Инджиркёйлю Хасана Рефет-паши – Дели Фуад-паши (1835-1931), который, как и его отец, дослужился в султанской армии до чина маршала, а на склоне лет, в начале XX в., стал одним из вдохновителей организованного черкесского этнонационального движения в стране [Berzeg 1998: 92-93].

Несмотря на скепсис отдельных наблюдателей середины XIX в. относительно присутствия успешно обосновавшимся в османских пределах северокавказцам чувства политической привязанности к своей этнической родине («искры истинного патриотизма», по словам Теофила Лапинского [Лапинский 1995: 107]⁴), ряд фактов свидетельствует о небезразличии по крайней мере некоторых

2007: I, 457; Intimate... 1991: 273]. Очевидно, что эти дети возвращались в Стамбул в подростковом или юношеском возрасте неплохо усвоившими родной язык и народную культуру и обзаведшимися определенными личными связями. Тот же автор сообщает об абазах-мусульманах, приехавших «из Египта и Стамбула» на родину и подолгу проживавших там с семьями, в частности среди «племен» *камыш* (вероятно, садзского общества Хамыш) и *ашагылы* (возможно, связано с гидронимом Аше) [Evlüyâ 1998-2007: II, 59, 60, X 53].

¹ По наблюдению Лапинского, «все проданные в Турции абазы держатся вместе и помогают друг другу» [Лапинский 1995: 106].

² Некоторые сановники-капыкулу разыскивали своих оставшихся на Кавказе родных и оказывали им материальную помощь, как, например, воспитанник «рабского поместья» Мехмеда Хюсрев-паши Халиль Рыфат-паша из рода Козба [Açba 2004: 140]. Известны прошения военных и чиновников высокого ранга к Порте о доставке их родственников в Стамбул [Yaşar, Oh 2018: 99], а также ходатайства о защите проживающих в Черкесии сородичей и соплеменников от притеснений кафинских и бахчисарайских властей [Kırzioğlu 1998: 415-416].

³ В этом квартале располагались артиллерийские арсеналы и соответствующее государственное управление – *Топхане-и амире*.

⁴ Неплохо осведомленный о положении и настроениях черкесов на Кавказе и в Османской империи польский революционер и авантюрист полковник Лапинский (Теффик-бей) утверждал в конце 1850-х гг., что не слышал, «чтобы хотя один из живущих постоянно в Турции адыге принес для своего отечества личную или денежную жертву», при том что многие «эксплуатировали... интерес [турок и европейцев] к своей стране в своих собственных целях». Это обстоятельство он связывал с рабским происхождением большей части стамбульской

представителей этого сообщества к положению горцев в период Кавказской войны и стремлении к оказанию им посильной помощи в борьбе с российской экспансией. К примеру, в 1840-х гг. «черкесы Топхане» способствовали проведению конфиденциальных встреч Сефер-бея Заноко с представителями проявлявших интерес к кавказским делам европейских держав [ВОА: НР.МКТ 7/10]. В этом же квартале после ликвидации русскими войсками летом 1862 г. Сочинского меджлиса¹ в течение какого-то времени собирались его покинувшие Черкесию члены во главе с сыном Сефер-бея Карабатыром [ТПКВА 2000: 56].

С началом Крымской войны были отмечены попытки османских властей использовать проживающих в стране видных черкесов для реализации своих политических планов на Кавказе. Так, в ноябре 1853 г. Сефер-бей был возведен Портой в ранг *мирмирана* (двухбунчужного паши) и провозглашен губернатором Черкесии. В мае следующего года он и чиновник Министерства иностранных дел Бехчет-эфенди из вольноотпущенных гулямов, также удостоенный по этому случаю звания паши, были вместе с дюжиной европейских военных инструкторов, некоторым количеством вооружений и подарками от султана для местных вождей отправлены к кавказскому побережью с целью поощрения черкесов к масштабному выступлению против русских. В состав миссии вошли еще несколько высокопоставленных кавказцев, все или почти все из капыкулу, в частности бывший губернатор Йеменского эялета Сырры-паша, бывший губернатор Айдынского эялета Садуллах-паша, отставной мирлива Али-паша, мирмиран Ферхад-паша и секретарь канцелярии великого везира Рамиз-бей [Lütfi 1984: 91]. Вместе с ними из Стамбула отбыли также «около 300 других черкесов – торговцев и изгнанников, – многие с семьями» [Slade 1867: 224]. Данное предприятие, однако, не принесло в конечном счете ожидаемого эффекта [Badem 2010: 152, 197-202]². Позднее, в августе 1854 г., до этого ничем не отличившийся на балканском фронте *ферик* (дивизионный генерал) Альянак Мустафа-паша был назначен командующим Батумской армией явно по причине своего черкесского происхождения и в этой должности приложил изрядные, но малоуспешные усилия по привлечению на сторону Порты черкесских, абхаз-

кавказской элиты и «удушающим» воздействием «магометанского фанатизма» даже на выходцев из свободных сословий [Лапинский 1995: 107-108]. Сам же Лапинский, впрочем, сообщал о фактах пожертвования «на благо родины» многими «патриотически настроенными» обитательницами элитных гаремов своих драгоценностей и денег, которые, однако, нередко оседали в руках их недобросовестных соплеменников в Стамбуле [Лапинский 1995: 268-269].

¹ Сочинский меджлис («Великое свободное заседание») – прообраз представительного органа власти, созданный в июне 1861 г. лидерами причерноморских черкесских субэтносов для координации сопротивления русским войскам и обеспечения международной поддержки Черкесии.

² Османский адмирал Мюшавир-паша (он же вышеупомянутый Адольфус Слейд), являвшийся помощником командующего этой экспедицией, объяснял ее неудачу тем, что из-за чинимых англо-французским морским командованием препон Сефер-паша и сопровождавшие его лица были высажены на кавказском берегу без подобающих их формальному статусу почестей («как обычные пассажиры»), но главное – без обещанных черкесам османских войск [Slade 1867: 223-244]. С другой стороны, ряд современных авторов подчеркивал ошибочность включения Портой в эту группу Бехчета и большинства других османских сановников, поскольку черкесская знать была оскорблена направлением к ней в качестве представителей султана некогда проданных османцам рабов [Lütfi 1984: 91-92; Cevdet 1953: 90; Лапинский 1995: 226]. Официальный историограф Ахмед Лютфи-эфенди даже полагал «уместным говорить о том, что постигшее черкесские племена после [Парижского] мира бедствие исхода с родины произошло из этой меры» [Lütfi 1984: 91-92].

ских и западногрузинских владетелей, к которым апеллировал в своих посланиях как к «соотечественникам» [Badem 2010: 206-207].

Несомненный интерес представляет вопрос о возможном влиянии ранних проникновений кавказцев в Османскую империю и сложившейся в их результате этносоциальной прослойки на «запуск» в середине XIX в. процесса массового мухаджирства. На наш взгляд, очевидно, что в силу того, что данный контингент формировался как следствие разрозненных перемещений в султанские владения обособленных индивидов и микрогрупп – обычно неполноправных и маргинальных в собственном первоначальном социуме (членов зависимых сословий, детей) или осознанно нацеленных на выделение из него (искателей военной, чиновничьей, духовно-интеллектуальной и прочей карьеры) – и их последующей интеграции в несвойственные социальной структуре горских народов страты османского общества, он сам по себе не мог служить скольконибудь действенным фактором притяжения для проживающих на исконной этнической территории традиционных аграрных коллективов. В сущности, достигшие значительного благополучия в «Стамбуле» (т.е. в османских землях) кавказские гулямы и джарие выступали носителями привлекательной миграционной модели лишь для стремившихся к повторению их пути лиц (или их опекунов), число которых могло быть достаточно ощутимым¹, однако шансы на успех заведомо ограничены объективной узостью османского спроса на такой элитарный и дорогостоящий товар, как «белые» невольники и невольницы.

Что касается отношения входивших в высшие эшелоны власти империи адыгов, убыхов и абхазо-абазин к остро вставшей после Крымской войны проблеме исхода их соотечественников с родины и их приема и поселения в османских пределах, известные официальные источники не содержат информации на этот счет. Впрочем, о какой-либо консолидированной позиции по данному вопросу кавказской военно-бюрократической и придворной элиты конца 1850-х – начала 1860-х гг. говорить не приходится, хотя и нельзя исключать лоббистских усилий отдельных ее представителей в пользу как разрешения/поощрения, так и недопущения/ограничения массовой иммиграции, причем в обоих случаях по вполне патриотическим соображениям (укладывающимся в принципе в дилемму между «спасением народа» и «спасением родины/нации»)².

¹ Молва и слухи об удачной судьбе и карьере многих кавказских мужчин и женщин в османском государстве, издавна проникавшие на их родину, особенно в ее причерноморские области, способствовали утверждению там, как правило, чрезвычайно преувеличенного представления о благополучии оказавшихся в «Стамбуле» земляков. Это обстоятельство стало причиной описываемого целым рядом современников феномена, когда представители не только зависимых, но отчасти и свободных сословий региона желали переправить за Черное море своих несовершеннолетних детей и родственников в надежде обеспечить им лучшее будущее [White II 311; Millingen 1870-1871: 111; Лапинский 1995: 106]. При этом очевидно, что такие действия обычно трактовались в местной среде не как акт банальной детопродажи (недвусмысленно осуждаемой во всех традиционных горских обществах), а как достаточно оправданный способ введения в более развитое и благоустроенное османское общество своего отпрыска, сулящий ему/ей (а в удачном случае и всему роду) шанс на обретение в перспективе более высокого социального и экономического положения. Это обстоятельство было подмечено американским путешественником и дипломатом Лейтоном Дитсоном, констатировавшим, что кавказские родители отправляли своих детей в Стамбул «с точно теми же чувствами и ожиданиями, с которыми фермер и его семья в Новой Англии смотрят на подающего надежды сына, отбывающего в какую-нибудь большую столицу, чтобы стать коммерсантом и богатым человеком» [Ditson 1850: 192].

² В литературе высказаны противоречивые точки зрения по этому поводу. Бедри Хабичоглу полагает, что занимавшие высокие посты в османском государстве северокавказцы поощряли переселение в султанские

Тем не менее представляется бесспорным, что сам факт существования в стране султана-халифа описанной выше немногочисленной, но довольно заметной, влиятельной и к тому же породненной с правящей династией общности составлял в глазах горцев Кавказа, в первую очередь Северо-Западного, немаловажное дополнительное (наряду с общностью религии, традицией военно-политического союзничества и др.) основание для восприятия Османской империи как близкого государства и комплементарного общества, способного стать убежищем для кавказцев при невозможности предотвращения внешнего завоевания и краха привычного «вольного мира» на родине.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дзидзария 2006 – *Дзидзария Г.А.* К истории работорговли в Абхазии // *Дзидзария Г.А. Труды / Сост. А.Э. Куправа, Г.Г. Дзидзария.* – Т. III. – Сухум: АИГИ им. Д.И. Гулиа, 2006. – С. 149-173.

Кундухов 2013 – *Кундухов М.А.* Мемуары. – Владикавказ: ИПП им. В. Гасиева, 2013. – 91 с.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 464 с.

Магомеддадаев 2001 – *Магомеддадаев А.* Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (история и современность). – Кн. II. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 212 с.

Магомедханов 1997 – *Магомедханов М.М.* Дагестанцы в Турции. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. – 135 с.

Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Институт выезда на службу и военное отходничество как часть военной культуры черкесов // *Электронный журнал «Кавказология».* – 2021. – № 1. – С. 26-66. – DOI: 10.31143/2542-212X-2021-1-26-66.

Сокуров 2017 – *Сокуров В.Н.* Феномен политического отчуждения в исторических судьбах черкесского народа // *Kafkasya Çalışmaları.* – II. – 2017. – No 4. – С. 161-192.

ТПКВА 2000 – Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XII – начало XX в.). Сб. док-тов и мат-лов / Сост. Р.Х. Гугов и др. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 462 с.

Хотко 1993 – *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. – Майкоп: Адыгейское респ. кн. изд-во, 1993. – 109 с.

Хотко 2002 – *Хотко С.Х.* Черкесы в составе «профессиональных османов» (XVI-XIX вв.) // *Мир культуры адыгов / Сост. Р.А. Ханаху.* – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – С. 387-394, 502-504.

Хотко 2017 – *Хотко С.Х.* Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII-XVI вв.). – Майкоп: Адыгейское респ. кн. изд-во, 2017. – 544 с.

Чочиев 2023а – *Чочиев Г.В.* Взаимоотношения между Османской империей и народами Северного Кавказа в середине XV – середине XIX в. (краткий очерк) // *Известия СОИГСИ.* – 2023. – № 49(88). – С. 5-19. – DOI 10.46698/VNC.2023.88.49.015.

владения своих оказавшихся на заключительной стадии Кавказской войны в критическом положении соплеменников, но не приводит подтверждающих это фактов [Nabiçoğlu 1993: 68]. Нихат Берзег, считающий Порту, наряду с царским правительством, ответственной за массовый исход горцев, пишет о «просвещенных черкесских пашах, противодействовавших политике стимулирования иммиграции», однако приводит в качестве примера лишь Хюсейин-пашу и Али-пашу из рода Берзегов, которые летом 1864 г. советовали Кундухову не спешить с уводом в Анатолию чеченцев ввиду слухов о скорой войне держав с Россией [Кундухов 2013: 47]. Утверждение названного автора о «нейтрализации» османскими властями таких пашей из-за их позиции в вопросе мухаджирства также нуждается в подкреплении ссылками [Berzeg 1996: 98, 172-173].

Чочиев 2023b – *Чочиев Г.В.* Иммиграция дагестанцев в Османскую империю в период Кавказской войны (1820-е – 1850-е гг.) // История, археология и этнография Кавказа. – Т. XIX. – 2023. – № 1. – С. 55-66. – DOI: 10.32653/CH19155-66.

Эвлия 1983 – *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Сост. А.Д. Желтяков. – Вып. III. – М.: Наука, 1983. – 376 с.

Аçба 2007 – *Аçба Н.* Kadınefendiler: Son Dönem Osmanlı Padişah Eşleri. – İstanbul: Profil, 2007. – 221 s.

Аçба 2004 – *Аçба Л.* Bir Çerkes Prensesinin Harem Hatıraları / Haz.: Н. Аçба. – İstanbul: L & M, 2004. – 216 s.

Аçба 2010 – *Аçба Л.* Bir Çerkes Prensesinin Harem Hatıraları / Haz.: Е. Аçба. – İstanbul: Timaş, 2010. – 568 s.

Акин 2022 – *Акин F.* 19. Yüzyılın İkinci Yarısında Avşarların İskânı. – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2022. – 98 s.

Altınay 1930 – *Altınay A.R.* Anadolu'da Türk Aşiretleri (966-1200). – İstanbul: Devlet Matbaası, 1930. – 236 s.

Badem 2010 – *Badem C.* The Ottoman Crimean War, 1853-1856. – Leiden: Brill, 2010. – 432 p.

Balard 2022 – *Balard M.* Black Sea Slavery in Genoese Notarial Sources, 13th-15th Centuries // Slavery in the Black Sea Region, c. 900-1900: Forms of Unfreedom at the Intersection between Christianity and Islam / Ed. by F. Roşu. – Leiden: Brill, 2022. – P. 19-40.

Berzeg 1990 – *Berzeg K.* Kafkasya'da ve Osmanlı Hizmetinde Berzeg Ailesi'nden Tanınmış Kişiler. – Ankara: Şafak, 1990. – 47 s.

Berzeg 1996 – *Berzeg N.* Çerkes Sürgünü. Ankara: Takav, 1996. 221 s.

Berzeg 1998 – *Berzeg S.E.* Soçi'nin Sürgündeki Sahipleri Çerkes-Vubihlar. – Ankara: Kafkasya Gerçeği, 1998. – 125 s.

Bilge 2012 – *Bilge S.M.* Osmanlı Çağında Kafkasya, 1454-1829. – İstanbul: Kitabevi, 2012. – 689 s.

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.

Çelik, Köseoğlu 2011 – *Çelik C., Köseoğlu M.* Canik Sancağına Bağlı Kavak Kazası'na 19. Yüzyılda Vubih Göçleri // Samsun Sempozyumu-2011. – URL: <http://docplayer.biz.tr/8513246-Canik-sancağına-bağlı-kavak-kazası-na-19-yüzyıldavubih-göçleri.html> (дата обращения: 23.02.2024).

Cevdet 1953 – *Ahmed Cevdet Paşa.* Tezâkir / Yay.: C. Baysun. – I. – Ankara: TTK, 1953. – 178 s.

Danişmend 1972 – *Danişmend İ.H.* İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi. – III. – İstanbul: Türkiye, 1972. – 671 s.; V. – 360 s.

Ditson 1850 – *Ditson G.L.* Circassia; or, a Tour to the Caucasus. – N.Y.: Stringer & Townsend, 1850. – 455 p.

Economic... 1997 – An Economic and Social History of the Ottoman Empire / Ed. by H. İnalcık with D. Quataert. – I. – Cambridge: Cambridge University, 1997. – 409 p.

Erdem 1996 – *Erdem Y.H.* Slavery in the Ottoman Empire and its Demise, 1800-1909. – L.: Palgrave Macmillan, 1996. – 229 p.

Erler 2009 – *Erler M.Y.* Osmanlı Nüfus Kayıtlarına Dair Alternatif Bir Kaynak: Defter-i Liva-ı Canik (1837) // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – II. – 2009. – No 8. – S. 169-190.

Evliyâ 1998-2007 – *Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehmed Zillî.* Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi / Haz.: Y. Dağlı vd. – I. – İstanbul: Yapı Kredi, 2006. 291 s.; II. – 1998. – 292 s.; III. – 1999. – 328 s.; IV. – 2000. – 413 s.; VI. – 2002. – 365 s.; VII. – 2003. – 395 s.; X. – 2007. – 744 s.

Gelibolulu 1978 – *Gelibolulu Mustafa Âli.* Görgü ve Toplum Kuralları Üzerinde Ziyâfet Sofraları / Haz.: O.Ş. Gökyay. – I. – İstanbul: Tercüman, 1978. – 235 s.

Habiçoğlu 1993 – *Habiçoğlu B.* Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler. – İstanbul: Nart, 1993. – 187 s.

Hathaway 2018 – *Hathaway J.* Circassian Mamluks in Ottoman Egypt and Istanbul, ca. 1500-1730: The Eastern Alternative // Disliking Others: Loathing, Hostility, and Distrust in Premodern Ottoman Lands / Ed. by H.T. Karateke et al. – Boston: Academic Studies, 2018. – P. 22-42.

- İnal 1982 – *İnal İ.M.K.* Son Sadrazamlar. – II. – İstanbul: Dergâh, 1982. – 1136 s.
- İnalcık 2009 – *İnalcık H.* Devlet-i Aliyye: Osmanlı İmparatorluğu Üzerine Araştırmalar. – II. – İstanbul: Türkiye İş Bankası, 2009. – 504 s.
- İnci 2019 – *İnci A.* 16. Yüzyılda Osmanlı Devleti'nin Çerkesya İle İlişkileri ve Osmanlı-Çerkes Sınırı // *Kafkasya Çalışmaları.* – V. – 2019. – No 9. – S. 1-16.
- Intimate... 1991 – *The Intimate Life of an Ottoman Statesman: Melek Ahmed Pasha (1588-1662) as Portrayed in Evliya Çelebi's 'Book of Travels (Seyahat-name)'* / Transl. and comm. by R. Dankoff. – Albany: State University of New York, 1991. – 304 p.
- Kanbolat, Taymaz 1990 – *Kanbolat H., Taymaz E.* Kafkas-Osmanlı İlişkileri ve Köle Ticareti // *Tarih ve Toplum.* – XIV. – 1990. – No 79. – S. 35-44.
- Karal 2007 – *Karal E.Z.* Osmanlı Tarihi. – VIII. – Ankara: TTK, 2007. – 631 s.
- Kâtib 2016 – *Kâtib Çelebi.* Fezleke / Haz.: Z. Aycibin. – I. – İstanbul: Çamlıca, 2016. – 518 s.
- Khoon 2015 – *Khoon Y.* "Prince of Circassia": Sefer Bey Zanku and the Circassian Struggle for Independence // *Kafkasya Çalışmaları.* – I. – 2015. – No 1. – P. 82-111.
- Kırzioğlu 1998 – *Kırzioğlu M.F.* Osmanlıların Kafkas-İleri'ni Fethi (1451-1590). – Ankara: TTK, 1998. – 550 s.
- Królikowska-Jedlińska 2020 – *Królikowska-Jedlińska N.* The Role of Circassian Slaves in the Foreign and Domestic Policy of the Crimean Khanate in the Early Modern Period // *Slaves and Slave Agency in the Ottoman Empire* / Ed. by S. Conermann & G. Şen. – Bonn: Bonn University, 2020. – P. 355-369.
- Kunt 1975a – *Kunt İ.M.* Ethnic-Regional ('Cins') Solidarity in the Seventeenth-century Ottoman Establishment // *International Journal of Middle East Studies.* – 1975. – No 5. – P. 233-239.
- Kunt 1975b – *Kunt İ.M.* Kulların Kulları // *Boğaziçi Üniversitesi Dergisi: Hümaniter Bilimler.* – III. – 1975. – S. 27-42.
- Lütfî 1984 – *Ahmed Lütfî Efendi.* Vak'a-nüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi / Yay.: M. Aktepe. – IX. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi, 1984. – 342 s.
- MacFarlane 1850 – *MacFarlane C.* Turkey and Its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of That Country. – L.: John Murray, 1850. – II. – 681 p.
- Millingen 1870-1871 – *Millingen F.* The Circassian Slaves and the Sultan's Harem // *Journal of the Anthropological Society of London.* – VIII. – 1870-1871. – P. 109-120.
- Naîmâ 1968 – *Naîmâ Mustafa Efendi.* Naîmâ Târihi / Çev.: Z. Danışman. – III. – İstanbul: Zuhuri Danışman, 1968. – 1544 s.
- Ostapchuk 2012 – *Ostapchuk V.* Crimean Tatar Long-range Campaigns: The View from Remmal Khoja's History of Sahib Gery Khan // *Warfare in Eastern Europe, 1500-1800* / Ed. by B.J. Davies. – Leiden: Brill, 2012. – P. 147-171.
- Sahillioğlu 1979-1980 – *Sahillioğlu H.* Onbeşinci Yüzyılın Sonu İle Onaltıncı Yüzyılın Başında Bursa'da Kölelerin Sosyal ve Ekonomik Hayattaki Yeri // *ODTÜ Gelişme Dergisi.* – 1979-1980 Özel Sayısı. – S. 67-138.
- Şahin 2012 – *Şahin H.H.* Çorum Nüfus Defterleri (1844). – Çorum: Çorum Belediyesi, 2012. – 774 s.
- Şahin 2013 – *Şahin H.H.* Osmanlı Dönemi Nüfus Defterlerinde Çorum Bölgesi Aşiretleri. – Çorum: Çorum Belediyesi, 2013. – 936 s.
- Sak 1994 – *Sak İ.* Şer'iyye Sicillerine Göre Kölelerin Milliyet ve Eşkali (17. ve 18. Yüzyıllar) // *Selçuk Üniversitesi SBE Dergisi.* – 1994. – No III. – S. 377-394.
- Sakaoğlu 2015 – *Sakaoğlu N.* Bu Mülkün Kadın Sultanları. – İstanbul: Alfa, 2015. – 792 s.
- Slade 1833 – *Slade A.* Records of Travels in Turkey, Greece, etc., and of a Cruise in the Black Sea, with the Capitan Pasha, in the Years 1829, 1830, and 1831. – I. – L.: Saunders & Otley, 1833. – 513 p.
- Slade 1867 – *Slade A.* Turkey and the Crimean War: A Narrative of Historical Events. – L.: Smith, Elder & Co, 1867. – 502 p.
- Süreyya 1996 – *Mehmed Süreyya.* Sicill-i Osmanî. – I-VI. – İstanbul: Tarih Vakfı, 1996. – 2068 s.

- Şoenu 1993 – *Şoenu M.F. Çerkes Meselesi.* – İstanbul: Bedir, 1993. – 87 s.
- Tan 2017 – *Tan B. Ali Cevâd'ın Celâlî Âbâza Mehmed Paşa Biyografisi // Külliyyat.* 2017. – No 2. – S. 56-81.
- Toledano 1993 – *Toledano E.R. Shemsigul: A Circassian Slave in Mid-Nineteenth-Century Cairo // Struggle and Survival in the Modern Middle East / Ed. by E. Burke.* – L.: I.B. Tauris & Co Ltd, 1993. – P. 59-74.
- Toledano 1998 – *Toledano E.R. Slavery and Abolition in the Ottoman Middle East.* – Seattle: University of Washington, 1998. – 185 p.
- Toprak 2015 – *Toprak S.V. Besni: 1846 Tarihli Bir Kefalet Defterine Göre Nüfus ve Sosyal Hayat.* – Adıyaman: Adıyaman Üniversitesi, 2015. – 377 s.
- Toprak 2018 – *Toprak S.V. 1835 Tarihli Nüfus Sayımına Göre 19. Yüzyılın İlk Yarısında Hısnımansur (Adıyaman).* – Adıyaman: Adıyaman Üniversitesi, 2018. – 333 s.
- Tosun 2014 – *Tosun M.D. Çeçenzade Hacı Hasan Paşa'nın Hayatı.* – İstanbul, 2014. – 225 s.
- Traffic... 1856 – *The Traffic in Circassian Women // Littell's Living Age.* – L. – 1856. – No 642. – P. 702.
- Uluçay 1992 – *Uluçay Ç. Harem.* – II. – Ankara: TTK, 1992. – 189 s.
- Uyar, Erickson 2009 – *Uyar M., Erickson E.J. A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk.* – Santa Barbara: Praeger, 2009. – 379 p.
- Vilgenoğlu 2021 – *Vilgenoğlu H. Kadı Sicilleri Işığında 1629-1631 Yıllarında Ruha, Bursa ve Ankara Şehirlerinde Köleler ve Cârîyeler // Tarih Okulu Dergisi.* – XIX. – 2021. – No 54. – S. 3142-3186. – DOI: 10.29228/joh.50998.
- Wagner 1852 – *Wagner M. Reise nach Persien und dem Lande der Kurden.* – Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1852. – B. I. – 360 s.
- White 1845 – *White C. Three Years in Constantinople; or, Domestic Manners of the Turks in 1844.* – II. – L.: Henry Colburn, 1845. – 372 p.
- Yapp 2013 – *Yapp M.E. The Making of the Modern Near East, 1792-1923.* – L.: Routledge, 2013. – 416 p.
- Yaşar, Oh 2018 – *Yaşar M., Oh C.J. The Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the North Caucasus: A Case Study of Ottoman-Crimean Relations in the Mid-Sixteenth Century // Turkish Historical Review.* – IX. – 2018. – No 1. – P. 86-103.
- Ze'evi 1996 – *Ze'evi D. 'Kul' and Getting Cooler: The Dissolution of Elite Collective Identity and the Formation of Official Nationalism in the Ottoman Empire // Mediterranean Historical Review.* – XI. – 1996. – No 2. – P. 177-195. – DOI: 10.1080/09518969608569713.

REFERENCES

- AÇBA H. *Kadınefendiler: Son Dönem Osmanlı Padişah Eşleri.* – İstanbul: Profil, 2007. – 221 p.
- AÇBA L. *Bir Çerkes Prensesinin Harem Hatıraları / Ed. by H. Açıba.* – İstanbul: L & M, 2004. – 216 p.
- AÇBA L. *Bir Çerkes Prensesinin Harem Hatıraları / Ed. by E. Açıba.* – İstanbul: Timaş, 2010. – 568 s.
- AHMED CEVDET PAŞA. *Tezâkir / Publ. by C. Baysun.* – Vol. 1. – Ankara: TTK, 1953. – 178 p.
- AHMED LÜTFÎ EFENDİ. *Vakanüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi / Publ. by M. Aktepe* – Vol. 9. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi, 1984. – 342 p.
- AKIN F. *19. Yüzyılın İkinci Yarısında Avşarların İskânı.* – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2022. – 98 p.
- ALTINAY A.R. *Anadolu'da Türk Aşiretleri (966-1200).* – İstanbul: Devlet Matbaası, 1930. – 236 p.
- An Economic and Social History of the Ottoman Empire / Ed. by H. İnalcık with D. Quataert.* – Vol. 1. – Cambridge: Cambridge University, 1997. – 409 p.
- BADEM C. *The Ottoman Crimean War, 1853-1856.* – Leiden: Brill, 2010. – 432 p.

BALARD M. *Black Sea Slavery in Genoese Notarial Sources, 13th-15th Centuries.* – IN: *Slavery in the Black Sea Region, c. 900-1900: Forms of Unfreedom at the Intersection between Christianity and Islam* / Ed. by F. Roşu. – Leiden: Brill, 2022. – P. 19-40.

BERZEG K. *Kafkasya'da ve Osmanlı Hizmetinde Berzeg Ailesi'nden Tanınmış Kişiler.* – Ankara: Şafak, 1990. – 47 p.

BERZEG N. *Çerkes Sürgünü.* Ankara: Takav, 1996. 221 p.

BERZEG S.E. *Soçi'nin Sürgündeki Sahipleri Çerkes-Vubihlar.* – Ankara: Kafkasya Gerçeği, 1998. – 125 p.

BİLGE S.M. *Osmanlı Çağında Kafkasya, 1454-1829.* – Istanbul: Kitabevi, 2012. – 689 p.

ÇELİK C., KÖSEOĞLU M. *Canik Sancağına Bağlı Kavak Kazası'na 19. Yüzyılda Vubih Göçleri.* – IN: *Samsun Sempozyumu - 2011.* – URL: <http://docplayer.biz.tr/8513246-Canik-sancagina-bagli-kavak-kazasi-na-19-yuzyildavubih-gocleri.html> (access date: 23.02.2024).

CHOCHIEV G.V. *Immigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu v period Kavkazskoi voyny (1820-e – 1850-e gg.)* [Immigration of Daghestanis to the Ottoman Empire during the Caucasian War (1820s-1850s)]. – IN: *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus.* – Vol. 19. – 2023. – No 1. – P. 55-66. (In Russ.).

CHOCHIEV G.V. *Vzaimootnosheniya mezhdu Osmanskoi imperiei i narodami Severnogo Kavkaza v seredine XV – seredine XIX v. (kratkii ocherk)* [Relations between the Ottoman Empire and the Peoples of the North Caucasus from the Mid-15th to the Mid-19th c. (an Outline)]. – IN: *Izvestiya SOIGSI.* – 2023. – No 49(88). – P. 5-19. (In Russ.).

DANIŞMEND İ.H. *İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi.* – Vol. 3. – Istanbul: Türkiye, 1972. – 671 p.; Vol. 5. – 360 p.

DITSON G.L. *Circassia; or, a Tour to the Caucasus.* – New York: Stringer & Townsend, 1850. – 455 p.

DZIDZARIYA G.A. *K istorii rabotorgovli v Abkhazii* [On the History of the Slave Trade in Abkhazia]. – IN: DZIDZARIYA G.A. *Trudy* [Works] / Comp. by A.E. Kuprava, G.G. Dzidzariya. – Vol. 3. – Sukhum: AIGI im. D.I. Gulia, 2006. – P. 149-173. (In Russ.).

ERDEM Y.H. *Slavery in the Ottoman Empire and its Demise, 1800-1909.* – London: Palgrave Macmillan, 1996. – 229 p.

ERLER M.Y. *Osmanlı Nüfus Kayıtlarına Dair Alternatif Bir Kaynak: Defter-i Liva-ı Canik (1837).* – IN: *The Journal of International Social Research.* – Vol. 2. – 2009. – № 8. – P. 169-190.

EVLİYA CHELEBİ. *Kniga puteshestviya (izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.)* [Book of Travel (Extracts from the Writings of a Turkish Traveler of the 17th c.)] / Comp. by A.D. Zheltyakov. – Iss. 3. – Moscow: Nauka, 1983. – 376 p. (In Russ.).

EVLİYÂ ÇELEBİ B. DERVİŞ MEHEMMED ZİLLÎ. *Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi* / Ed. by Y. Dağlı et al. – Vol. 1. – Istanbul: Yapı Kredi, 2006. 291 p.; Vol. 2. – 1998. – 292 p.; Vol. 3. – 1999. – 328 p.; Vol. 4. – 2000. – 413 p.; Vol. 6. – 2002. – 365 p.; Vol. 7. – 2003. – 395 p.; Vol. 10. – 2007. – 744 p.

GELİBOLULU MUSTAFA ÂLİ. *Görgü ve Toplum Kuralları Üzerinde Ziyâfet Sofraları* / Ed. by O.Ş. Gökyay. – Vol. 1. – Istanbul: Tercüman, 1978. – 235 p.

HABIÇOĞLU B. *Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler.* – Istanbul: Nart, 1993. – 187 p.

HATHAWAY J. *Circassian Mamluks in Ottoman Egypt and Istanbul, ca. 1500-1730: The Eastern Alternative.* – IN: *Disliking Others: Loathing, Hostility, and Distrust in Premodern Ottoman Lands* / Ed. by H.T. Karateke et al. – Boston: Academic Studies, 2018. – P. 22-42.

İNAL İ.M.K. *Son Sadrazamlar.* – Vol. 2. – Istanbul: Dergâh, 1982. – 1136 p.

İNALCIK H. *Devlet-i Aliyye: Osmanlı İmparatorluğu Üzerine Araştırmalar.* – Vol. 2. – Istanbul: Türkiye İş Bankası, 2009. – 504 p.

İNCİ A. *16. Yüzyılda Osmanlı Devleti'nin Çerkesya İle İlişkileri ve Osmanlı-Çerkes Sınırı.* – IN: *Journal of Caucasian Studies.* – Vol. 5. – 2019. – No 9. – P. 1-16.

KANBOLAT H., TAYMAZ E. *Kafkas-Osmanlı İlişkileri ve Köle Ticareti.* – IN: *Tarih ve Toplum.* – Vol. 14. – 1990. – No 79. – P. 35-44.

KARAL E.Z. *Osmanlı Tarihi.* – Vol. 8. – Ankara: TTK, 2007. – 631 p.

- KÂTİB ÇELEBİ. *Fezleke* / Ed. by Z. Aycibin. – Vol. 1. – Istanbul: Çamlıca, 2016. – 518 p.
- KHOON Y. “*Prince of Circassia*”: *Sefer Bey Zanuko and the Circassian Struggle for Independence*. – IN: *Journal of Caucasian Studies*. – Vol. 1. – 2015. – No 1. – P. 82-111.
- KHOTKO S.KH. *Cherkesiya: genezis, etnopoliticheskie svyazi so stranami Vostochnoi Evropy i Blizhnego Vostoka (XIII-XVI vv.)* [Circassia: Genesis, Ethnopolitical Relations with the Countries of Eastern Europe and the Middle East (13-16 c.)]. – Maikop: Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017. – 544 p. (In Russ.).
- KHOTKO S.KH. *Cherkesskie mamlyuki* [Circassian Mamluks]. – Maikop: Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. – 109 p. (In Russ.).
- KHOTKO S.KH. *Cherkesy v sostave “professional'nykh osmanov” (XVI-XIX vv.)* [Circassians as Part of the “Professional Ottomans” (16-19 c.)]. – IN: *Mir kul'tury adygov* [The World of Circassian Culture] / Comp. by R.A. Khanakhu. – Maikop: GURIPP Adygeya, 2002. – P. 387-394, 502-504. (In Russ.).
- KIRZIOĞLU M.F. *Osmanlıların Kafkas-Elleri'ni Fethi (1451-1590)*. – Ankara: TTK, 1998. – 550 p.
- KRÓLIKOWSKA-JEDLIŃSKA N. *The Role of Circassian Slaves in the Foreign and Domestic Policy of the Crimean Khanate in the Early Modern Period*. – IN: *Slaves and Slave Agency in the Ottoman Empire* / Ed. by S. Conermann & G. Şen. – Bonn: Bonn University, 2020. – P. 355-369.
- KUNDUKHOV M.A. *Memuary* [Memoirs]. – Vladikavkaz: IPP im. V. Gassieva, 2013. – 91 p. (In Russ.).
- KUNT İ.M. *Ethnic-Regional (“Cins”) Solidarity in the Seventeenth-century Ottoman Establishment*. – IN: *International Journal of Middle East Studies*. – 1975. – No 5. – P. 233-239.
- KUNT İ.M. *Kulların Kulları*. – IN: *Boğaziçi University Journal: Humanities*. – Vol. 3. – 1975. – P. 27-42.
- KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoi cherkesskoi diasporı* [Essays on the History of the Foreign Circassian Diaspora]. – Nal'chik: El'-Fa, 2007. – 320 p. (In Russ.).
- LAPINSKII T. *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Mountaineers of the Caucasus and Their Liberation Struggle against the Russians]. – Nal'chik: El'-Fa, 1995. – 464 p. (In Russ.).
- MACFARLANE C. *Turkey and Its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of That Country*. – London: John Murray, 1850. – Vol. 2. – 681 p.
- MAGOMEDDADAEV A. *Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu (istoriya i sovremennost')* [Emigration of Daghestanis to the Ottoman Empire (History and Modernity)]. – Book 2. – Makhachkala: Daghestan Scientific Centre of RAS, 2001. – 212 p. (In Russ.).
- MAGOMEDKHANOV M.M. *Dagestantsy v Turtsii* [Daghestanis in Turkey]. – Makhachkala: Daghestan Scientific Centre of RAS, 1997. – 135 p. (In Russ.).
- MEHMED SÜREYYA. *Sicill-i Osmanî*. – Vol. 1-6. – Istanbul: Tarih Vakfi, 1996. – 2068 p.
- MILLINGEN F. *The Circassian Slaves and the Sultan's Harem*. – IN: *Journal of the Anthropological Society of London*. – Vol. 8. – 1870-1871. – P. 109-120.
- MIRZOEV A.S. *Institut vyezda na sluzhbu i voennoe otkhodnichestvo kak chast' voennoi kul'tury cherkesov* [Institution of Departure for Service and Mercenary Practices as a Part of the Military Culture of Circassians]. – IN: *Caucasology*. – 2021. – No 1. – P. 26-66. (In Russ.).
- NAÎMÂ MUSTAFA EFENDÎ. *Naîmâ Târihi* / Transl. by Z. Danişman. – Vol. 3. – Istanbul: Zuhuri Danişman, 1968. – 1544 p.
- OSTAPCHUK V. *Crimean Tatar Long-range Campaigns: The View from Remmal Khoja's History of Sahib Gerey Khan*. – IN: *Warfare in Eastern Europe, 1500-1800* / Ed. by B.J. Davies. – Leiden: Brill, 2012. – P. 147-171.
- Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

SAHİLLİOĞLU H. *Onbeşinci Yüzyılın Sonu İle Onaltıncı Yüzyılın Başında Bursa'da Kölelerin Sosyal ve Ekonomik Hayattaki Yeri*. – IN: *METU Studies in Development*. – 1979-1980 Special Issue. – P. 67-138.

ŞAHİN H.H. *Çorum Nüfus Defterleri (1844)*. – Çorum: Çorum Belediyesi, 2012. – 774 p.

ŞAHİN H.H. *Osmanlı Dönemi Nüfus Defterlerinde Çorum Bölgesi Aşiretleri*. – Çorum: Çorum Belediyesi, 2013. – 936 p.

SAK İ. *Şer'iyye Sicillerine Göre Kölelerin Milliyet ve Eşkali (17. ve 18. Yüzyıllar)*. – IN: *The Journal of Selcuk University Social Sciences Institute*. – 1994. – No 3. – P. 377-394.

SAKAOĞLU N. *Bu Mülkün Kadın Sultanları*. – İstanbul: Alfa, 2015. – 792 p.

SLADE A. *Records of Travels in Turkey, Greece, etc., and of a Cruise in the Black Sea, with the Capitan Pasha, in the Years 1829, 1830, and 1831*. – Vol. 1. – London: Saunders & Otley, 1833. – 513 p.

SLADE A. *Turkey and the Crimean War: A Narrative of Historical Events*. – London: Smith, Elder & Co, 1867. – 502 p.

ŞOENU M.F. *Çerkes Meselesi*. – İstanbul: Bedir, 1993. – 87 p.

SOKUROV V.N. *Fenomen politicheskogo otchuzhdeniya v istoricheskikh sud'bakh cherkesskogo naroda* [The Phenomenon of Political Alienation in the Historical Fate of the Circassian People]. – IN: *Journal of Caucasian Studies*. – Vol. 2. – 2017. – No 4. – P. 161-192. (In Russ.).

TAN B. *Ali Cevâd'ın Celâli Âbâza Mehmed Paşa Biyografisi*. – IN: *Külliyat*. 2017. – No 2. – P. 56-81.

The Intimate Life of an Ottoman Statesman: Melek Ahmed Pasha (1588-1662) as Portrayed in Evliya Çelebi's 'Book of Travels (Seyahat-name)' / Transl. and comm. by R. Dankoff. – Albany: State University of New York, 1991. – 304 p.

The Traffic in Circassian Women. – IN: *Littell's Living Age*. – Vol. 50. – 1856. – No 642. – P. 702.

TOLEDANO E.R. *Shemsigul: A Circassian Slave in Mid-Nineteenth-Century Cairo*. – IN: *Struggle and Survival in the Modern Middle East* / Ed. by E. Burke. – London: I.B. Tauris & Co Ltd, 1993. – P. 59-74.

TOLEDANO E.R. *Slavery and Abolition in the Ottoman Middle East*. – Seattle: University of Washington, 1998. – 185 p.

TOPRAK S.V. *1835 Tarihli Nüfus Sayımına Göre 19. Yüzyılın İlk Yarısında Hisnimansur (Adıyaman)*. – Adıyaman: Adıyaman Üniversitesi, 2018. – 333 p.

TOPRAK S.V. *Besni: 1846 Tarihli Bir Kefalet Defterine Göre Nüfus ve Sosyal Hayat*. – Adıyaman: Adıyaman Üniversitesi, 2015. – 377 p.

TOSUN M.D. *Çeçenzade Hacı Hasan Paşa'nın Hayatı*. – İstanbul, 2014. – 225 p.

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voyny dlya adygov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). *Sbornik dokumentov i materialov* [The Tragic Consequences of the Caucasian War for the Circassians (Second Half of the 19th – Early 20th c.). Collection of Documents and Materials] / Comp. by R.Kh. Gugov et al. – Nal'chik: El'-Fa, 2000. – 462 p. (In Russ.).

ULUÇAY Ç. *Harem*. – Vol. 2. – Ankara: TTK, 1992. – 189 p.

UYAR M., ERICKSON E.J. *A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk*. – Santa Barbara: Praeger, 2009. – 379 p.

VİLGENOĞLU H. *Kadı Sicilleri Işığında 1629-1631 Yıllarında Ruha, Bursa ve Ankara Şehirlerinde Köleler ve Câriyeler*. – IN: *Journal of History School*. – Vol. 19. – 2021. – No 54. – P. 3142-3186.

WAGNER M. *Reise nach Persien und dem Lande der Kurden*. – Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1852. – Vol. 1. – 360 p.

WHITE C. *Three Years in Constantinople; or, Domestic Manners of the Turks in 1844*. – Vol. 2. – London: Henry Colburn, 1845. – 372 p.

YAPP M.E. *The Making of the Modern Near East, 1792-1923*. – London: Routledge, 2013. – 416 p.

YAŞAR M., OH S.J. *The Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the North Caucasus: A Case Study of Ottoman-Crimean Relations in the Mid-Sixteenth Century.* – IN: *Turkish Historical Review.* – Vol. 9. – 2018. – No 1. – P. 86-103.

ZE'EVİ D. *'Kul' and Getting Cooler: The Dissolution of Elite Collective Identity and the Formation of Official Nationalism in the Ottoman Empire.* – IN: *Mediterranean Historical Review.* – Vol. 11. – 1996. – No 2. – P. 177-195.

Информация об авторе

Г.В. Чочиев – кандидат исторических наук.

Information about the author

G.V. Chochiev – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 27.02.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.